

- ⁴ Окуловский К.Н. История Свердловского пожарно-технического училища МВД СССР. Свердловск, 1955. С. 10.
- ⁵ ЦДООСО. Ф. 3424. Оп. 1. Д.4. Л. 17.
- ⁶ ЦДООСО. Ф. 3424. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 90. Л. 138.
- ⁹ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 89. Л. 107.
- ¹⁰ Там же. Л. 70.
- ¹¹ Там же. Л. 90.
- ¹² ЦДООСО. Ф. 3424. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
- ¹³ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 80. Л. 125.
- ¹⁴ Там же. Л. 140.
- ¹⁵ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 81. Л. 111.
- ¹⁶ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 89. Л. 31.
- ¹⁷ ЦДООСО. Ф. 3424. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.
- ¹⁸ ЦДООСО. Ф. 3424. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.
- ¹⁹ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 89. Л. 97.
- ²⁰ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 90. Л. 33.
- ²¹ Там же. Л. 54.
- ²² Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 102. Л. 157.
- ²³ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 80. Л. 191.
- ²⁴ Там же. Л. 165 об.
- ²⁵ Архив УрИ ГПС МЧС России. Д. 89. Л. 78.
- ²⁶ ЦДООСО. Ф. 3424. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.
- ²⁷ Там же. Л. 122.
- ²⁸ Сильнее огня. Екатеринбург, 2004. С. 96.

*А.В. Сперанский
(Екатеринбург)*

ОТКРЫТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ КУЛЬТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА УРАЛЕ В 1941–1945 гг.: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ И ВЕРУЮЩИХ*

На первом этапе войны, несмотря на лояльность и патриотизм, проявленные Русской Православной Церковью, власти Уральского региона, не получив конкретных указаний из центра о смягчении политики по отношению к духовенству, продолжали закрывать культовые учреждения (только по Свердловской области во второй половине 1941 г. было закрыто 22 православных храма)¹. Когда же после встречи И.В. Сталина с высшим церковным руководством в конце 1943 г. все необходимые директивы были получены, местные чиновники, опасаясь скорой отмены указаний сверху, не стали проявлять особой поспешности в деле их реализации. Не отказывая верующим в удовлетворении их законных прав, обозначенных в постановлениях правительства, местные структуры власти стремились как можно дольше затянуть решение вопроса, тем более что противоречивость правительственных документов предоставляла для этого самые широкие возможности.

По постановлению СНК СССР «О порядке открытия церквей» (от 28 ноября 1943 г.) ходатайство верующих принималось к рассмотрению местных органов власти, которые после тщательной проверки должны были сделать соответствующее заключение о возможности или невозможности возобновления деятельности культового учреждения. Сроки подготовительно-проверочной работы администрации доку-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-83107а/У.

мент не определял. Это давало административным органам хороший шанс при желании задерживать решение вопроса практически на неограниченный период времени. Задержка могла иметь место как на уровне районных и городских советов, так и в областных органах власти.

Приняв дело к рассмотрению, местные органы имели также широкий спектр всевозможностей официально отказать просителям. Причины отказа могли быть разнообразными, но самым веским поводом считалось отсутствие подходящего для свершения религиозных ритуалов помещения. Церкви, занятые под культурно-просветительские учреждения (школы, библиотеки, клубы, кинотеатры), бытовые организации (магазины, прачечные), производственные цеха оборонных предприятий, воинские объекты возвращать приходским общинам строго запрещалось. Не используемые государством бывшие церковные помещения, как правило, находились в аварийном состоянии, что тоже являлось веским аргументом для отказа.

Отклонение ходатайства могло произойти из-за неправильного оформления необходимых документов. Уполномоченные по делам Русской Православной Церкви вынуждались вышестоящим руководством к выполнению нелепых требований по соблюдению секретности документации. Поэтому во всех регионах страны постановление правительства «О порядке открытия церквей» доводилось до духовенства и верующих только на основе «устных разъяснений». По этой причине очень часто все необходимые для возобновления деятельности храма бумаги оформлялись не в соответствии с установленными правилами и, естественно, не принимались к рассмотрению².

Кроме того, власти отказывали в просьбе, ссылаясь на недостаточное количество верующих или на наличие на вверенной им территории уже действующей церкви. Так, Свердловский облисполком не разрешил открыть церковь в селе Волчово Каменского района, мотивируя отказ тем, что «заявители не отражают настроения большинства населения района»³. Пытаясь найти различные поводы и предлоги для отклонения ходатайств верующих, местные власти просто стремились реализовать на практике негласную установку Москвы о положительном решении не более 20 % заявлений⁴. В итоге, не трудно представить, что из огромного количества заявлений, обрушившегося на власти с конца 1943 г., большинство отклонялось на месте и только незначительная часть направлялась на рассмотрение Совета по делам Русской Православной Церкви и окончательное утверждение правительства, что, кстати, также не гарантировало их положительного решения.

По Молотовской области из 249 заявлений от верующих с просьбой об открытии православного храма, поданных в период с 1944 по 1945 гг., 178 были отклонены на региональном уровне, а из 71 ходатайства, отправленного на утверждение в Москву, положительное решение было вынесено только по 32 прошениям⁵. Верующие посёлка Чермоз и села Паль, преодолевая все бюрократические препоны, дважды добились рассмотрения своего ходатайства в Совете по делам Русской Православной Церкви. Просьба жителей Чермоза, рассмотренная 22 мая 1944 г., не была удовлетворена, так как помещение часовни, где предполагалось открыть церковь, по заключению местной администрации, находилось в аварийном состоянии. Однако верующие своими силами отремонтировали здание и, проявив настойчивость, через год (28 апреля 1945 г.) сумели добиться положительного решения. Менее удачливы оказались

прихожане церкви, расположенной в селе Паль. Пробившись через сопротивление местных властей, они, тем не менее, дважды получили отказ в центральных органах по причине занятости помещения храма складом организации «Заготзерно»⁶.

Большие трудности при разрешении проблем, связанных с открытием культовых учреждений, испытывали духовенство и верующие Свердловской области. За период с 1944 по 1945 г. на Среднем Урале в административные органы было подано 116 заявлений, из них 108 получили отказ и лишь 8 направились в Совет по делам Русской Православной Церкви, который удовлетворил только 5 из них⁷.

Отметим, что в Свердловской области возобновление деятельности православных храмов имело место и до создания Совета по делам Русской Православной Церкви и института его уполномоченных на местах. Так, в 1942 г. был вновь открыт для посещений верующими храм Иоанна Предтечи в Свердловске. В 1943 г. начались службы в церквях Невьянска, сел Березовка, Черноисточник, Балакино, Сылта. Культовые учреждения, работавшие до выхода в свет постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей», автоматически регистрировались уполномоченными, и их прихожанам не нужно было подавать ходатайства и ждать разрешения властей на проведение религиозных ритуалов и обрядов. Таким образом, за годы Великой Отечественной войны в Свердловской области вновь начали действовать 11 храмов Русской Православной Церкви⁸.

В Челябинской области за период с 1944 по 1945 г. верующие подали в местные органы власти 109 прошений об открытии церквей или молитвенных домов. Строгий подход государственных чиновников к решению этих вопросов подтверждается тем, что 85 просьб были отклонены. Однако заметим, что все 24 заявления, отправленные на рассмотрение центральных органов, были тщательно подготовлены и, в отличие от подобных петиций из Молотовской и Свердловской областей, не получили ни одного отказа⁹. На заседании Совета по делам Русской Православной Церкви была поставлена под сомнение лишь возможность открытия храма в Катав-Ивановске из-за тяжбы между прихожанами патриаршей ориентации и старообрядцами. В конечном итоге проблема была разрешена в пользу верующих, признавших главенство Московской Патриархии. После отказа, вынесенного 23 марта 1944 г., при повторном рассмотрении вопроса 22 мая 1944 г. было решено открыть православную церковь патриаршей ориентации¹⁰. Заявления из других населенных пунктов Южно-Урала возражений не вызывали.

В Чкаловской области за период 1944–1945 г. в исполнительных органах власти было рассмотрено 85 заявлений духовенства и верующих с просьбами разрешить деятельность православных храмов. 54 ходатайства не получили поддержки местных чиновников, 23 отклонили на уровне правительства и Совета по делам Русской Православной Церкви и только 8 населенных пунктов Оренбуржья получили право возобновить работу культовых учреждений¹¹. Доля направления местными органами власти прошений в вышестоящие инстанции была велика — 27,1 %, однако обоснованность этих петиций в большинстве случаев не находила подтверждения в Москве.

Правительство отклонило 74,2 % всех заявлений, направленных в его адрес, причем в отношении верующих областного центра сделало это четыре раза из пяти. Было получено разрешение на возобновление деятельности только Никольского собора, тогда как ходатайства об открытии Дмитриевской церкви, храма в пос. Красная

горка и двух молитвенных домов власти оставили без внимания. Неудачей закончились и попытки верующих Орска. Их заявление дважды рассматривалось в Совете по делам Русской Православной Церкви и в обоих случаях не имело положительного решения, так как помещение храма было передано областному отделу народного образования. Более благосклонной была fortuna к прихожанам Бузулука, которые, получив отказ, сумели все-таки со второй попытки добиться санкции на открытие в их городе культового учреждения¹².

Со второй половины Великой Отечественной войны религиозная активность населения очень рельефно проявилась в Курганской области. Начиная с 1944 г. до конца военных действий верующие Зауралья 107 раз обращались к местному начальству с просьбами разрешить деятельность православных церквей. Анализ рассмотрения властями ходатайства показывает, что руководители вновь созданной области чрезвычайно осторожно подходили к решению этой проблемы. На уровне Курганского облисполкома было отклонено 100 прошений и только 7 с положительными заключениями направились в Москву для окончательного решения своей участи¹³. Правительство не менее строго оценило возможности открытия православных культовых учреждений в Зауралье, приняв положительное решение только по одному заявлению.

Нельзя не упомянуть о том, что в апреле 1942 г. в Куртамышье была открыта Петро-Павловская церковь. В феврале 1943 г. этот город, первоначально входивший в Челябинскую область, был включен в состав Курганской области. Таким образом, к концу Великой Отечественной войны на Курганщине официально действовало два православных храма¹⁴.

Наряду с уральскими областями, усиление религиозной инициативы наблюдалось и в автономных республиках региона. Заметим, что тяга населения к христианскому вероучению особенно ярко проявилась в 1944 г. За этот период времени жители Башкирии направили в адрес своего руководства 105 заявлений, в которых ходатайствовали об открытии православных церквей. Правительство республики удовлетворило лишь 15 прошений, направив все необходимые документы в центральные органы управления¹⁵. Совет народных комиссаров СССР, по заключению Совета по делам Русской Православной Церкви, счет возможным открыть на территории Башкирии только 7 православных культовых учреждения, наложив отрицательную резолюцию на 8 петиций.

В Удмуртской автономной республике за 1944 г. правительство рассмотрело 45 заявлений верующих с просьбами об открытии православных церквей, 35 из которых по различным причинам не получили положительного решения¹⁶. Из 10 ходатайств, направленных в центральные органы, было удовлетворено только два.

Подчеркнем, что две церкви — в селе Перевозное и г. Воткинске — возобновили религиозную деятельность соответственно в марте и мае 1943 г. и были автоматически зарегистрированы республиканским уполномоченным без повторной санкции властей¹⁷. Таким образом, в период с начала войны до конца 1944 г. в Удмуртии начали работу 4 православных храма.

Если подвести некоторые итоги процесса открытия православных храмов в уральском регионе в период Великой Отечественной войны, то складывается достаточно противоречивая картина. Конечно, в целом эта тенденция носила позитивный

характер и позволила увеличить количество церквей и молитвенных домов к концу 1945 г. по сравнению с июнем 1941 г. на 157 %. С одной стороны, приведенная цифра может рассматриваться как яркая иллюстрация лояльности властей к религии и усилению влияния Русской Православной Церкви на население Урала. Однако, с другой стороны, подсчет процента поданных заявлений верующих с просьбами об открытии культовых учреждений и удовлетворения ходатайств органами власти позволяет сделать категоричный вывод о том, что государственные структуры с явной неохотой шли навстречу желаниям жителей региона и, на наш взгляд, старались под различными предлогами основательно притормозить ход событий. За период с 1944 по 1945 гг. верующими пяти областей и двух автономных республик Урала в адрес местных и центральных властей было направлено, по неполным данным, 816 заявлений с просьбами об открытии церквей, 737 из них, то есть 90,3 % были отклонены, причем, 650 заявлений (79,7 %) не получили положительной резолюции уже на областном или республиканском уровне. Из 2448 православных храмов, закрытых большевиками на Урале в довоенный период, в годы войны возобновили свою деятельность только 88, что составило всего 3,6 %. 2304 церкви (94,1 %) по-прежнему несли на себе печать осквернения, были заняты под хозяйственные нужды или находились в заброшенном состоянии, подвергаясь разрушению. Отметим, что политика «сдерживания религиозных чувств» была характерна для органов власти всех административно-территориальных единиц уральского региона.

Даже после разрешения правительства и Совета по делам Русской Православной Церкви в некоторых населенных пунктах уральского региона городские и районные власти не торопились с открытием культовых учреждений. Так, в Чкалове администрация официально зарегистрировала Никольский собор, но помещение храма, в котором располагался государственный архив, не освободила. В результате верующие для проведения служб вынуждены были арендовать частный дом. Подобная картина наблюдалась в Коркино Челябинской области, где местное начальство, в нарушение распоряжений центральных органов управления, отказывалось освободить помещение церкви, ссылаясь на трудные условия военного времени¹⁸.

Примечания

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 14. Л. 27, 28.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5309. Л. 29.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 25, 26.

⁵ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 80 об., 81, 122, 129, 143, 149, 154, 158 об.; Д. 15. Л. 24; Д. 25. Л. 72–90; Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–14.

⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 68; Д. 25. Л. 80; Д. 2. Л. 80, 80 об., 158 об.

⁷ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 122; Д. 13. Л. 58, 67, 73; Д. 27. Л. 86–88; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 17. Л. 50, 51; Д. 19. Л. 263–265.

⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 83, 84; Д. 27. Л. 86–89.

⁹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 18, 18 об., 22; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4479-а. Л. 39. Д. 28. Л. 103–121.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 28. Л. 104; Д. 2. Л. 59.

¹¹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 105 об., 121 об., 136 об., 158 об.; Д. 13. Л. 27, 28, 32, 34; Д. 28. Л. 137–142; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Л. 13, 16.

¹² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 105 об. 121 об., 136 об. 158 об.; Д. 28. Л. 137, 139; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. Л. 2.

¹³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 136 об., 143 об., 154; Д. 13. Л. 158; Д. 25. Л. 14, 15; Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–10.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 4, 26; Д. 2. Л. 2–10.

¹⁵ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 96, 96 об., 98 об., 122, 152 об., 153, 154 об.; Д. 15. Л. 113, 115–117.

¹⁶ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2. Л. 95, 103 об., 104, 136 об., 150 об.; Д. 15. Л. 130, 134.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 15. Л. 137, 137 об.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13. Л. 22, 31.

*А.А. Сухарев
(Тюмень)*

ВЫБОРЫ В ТЮМЕНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.)

В Тюмени городской Совет впервые был создан в 1917 г., но просуществовал лишь несколько месяцев и был восстановлен только через год после изгнания колчаковцев, во второй половине октября 1920 г. Советская система дала возможность большинству тюменцев участвовать в политической жизни города. В связи с этим приобретает интерес вопрос об отношении населения к новому органу власти, в формировании которого оно принимало непосредственное участие. Одной из форм проявления этого отношения было политическое поведение избирателей.

Избирательным правам граждан была посвящена одна из глав Конституции РСФСР 1918 г., помимо того, ход выборов и нормы представительства регламентировались «Положениями о Городских Советах», принятыми ВЦИК в 1922–1924 гг. На их основе в 1922 г. Тюменский губернский исполнительный комитет утвердил «Инструкцию Тюменского городского Совета», которая детализировала порядок созыва этого органа применительно к местным условиям.

Горсовет Тюмени, как и в других городах страны, избирался каждый год, выборы обычно проходили осенью. Из 43 тыс. тюменцев избирательными правами обладало около 30 тыс. чел., достигших 18-летия, — 70 % всего населения города. Численность лиц, лишенных избирательных прав по Конституции РСФСР 1918 г. (в их число входили, прежде всего, торговцы, а также священнослужители, бывшие жандармы, лица, объявленные врагами революции, и другие категории населения), была незначительной — около 2 % от общей численности избирателей.

Выборы проходили по спискам, открытым голосованием. Кандидатов в депутаты обычно выдвигали профсоюзные и партийные организации, а также избирательная комиссия и отдельные группы граждан. Как правило, на каждом избирательном собрании на голосование выставлялся только один список, чаще всего от РКП(б). Принятым считался список, получивший относительное большинство голосов. Избирательные собрания проводились на предприятиях, по месту жительства и в воинских частях.

Такая система выборов налагала определенный отпечаток на политическое поведение горожан. Так, если им приходилось выбирать между списками, выдвинутыми РКП(б) и правлением профсоюза, большинство голосовало за «партийный» список, и воздерживалось при голосовании за список профсоюза. Это, на наш взгляд, свидетельствует о нерешительности избирателей, не желавших в условиях открытого голосования явно выражать свою позицию, противоречившую воле главенствующей партии. С другой стороны, это могло говорить и о конформизме части избирателей.

Еще одним немаловажным фактором, влиявшим на решение избирателей, была печатная агитация, проводимая большевиками. Примером может послужить отра-